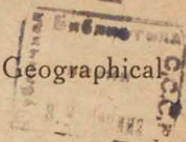

1928. m. 18.
Journal of the Middle Asia Branch of the Russian State Geographical
Society. Vol. XVIII

$\frac{V \times 81}{2}$ $\frac{XXIV \times 31}{12}$

ИЗВЕСТИЯ
СРЕДНЕ-АЗИАТСКОГО ОТДЕЛА
ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Том XVIII

Под редакцией Секретаря Отдела И. А. Райковой

~~81~~
~~2~~

XXIV $\frac{31}{12}$

ИЗВЕСТИЯ
СРЕДНЕ-АЗИАТСКОГО ОТДЕЛА
ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Том XVIII

Под редакцией Секретаря Отдела И. А. Райковой

XXIV-1407

КАРШИНСКИЙ ОКРУГ, ОРГАНИЗАЦИЯ В НЕМ ВОЙСКА И СОБЫТИЯ В ПЕРИОД 1215—1217 (1800—1803) ГОДОВ.¹

Весной 1215 г. сын бухарского эмира Шах-Мурад бия, правитель Каршинского вилаята Хайдар тюря после смерти отца возведен был на престол Бухарского ханства. Место его в Каршах занял Хаким бек бий, родом тоже мангыт, вскоре возведенный в звание диван-беги.² Это был человек малоопытный в управлении. Эмир откровенно ему писал и не раз, что он, Хаким бий, в делах житейских хотя и достаточно искушен, но в делах государственного управления мало опытен, а потому в последнего рода делах предлагает ему советоваться с братом его Нияз бек бием и другими мангытскими аксакалами, в особенности в делах, касающихся рода кенегас, который, владея Шахрисябзским округом, является заклятым врагом мангытов и Бухары. У Хаким бия был еще брат Раджаб бек, занимавший также высокие посты, дядя Давлет бий, впоследствии куш-беги, назначенный эмиром Хайдаром в первый же год своего правления самаркандским хакимом, и сестра замужем за эмиром Хайдаром.

Отношение эмира Хайдара в течение описываемого времени к Хаким бию, его братьям и дяде хорошее. Только по одному письму видно, что оно временно было нарушено. Эмир писал в этом письме без обычных пышных титулов: „Мирза Убайдулла много и секретно говорит о том, что выему писали, выявляя свою неблагодарность, что собираетесь ехать в Бухару, что вы тяготитесь управлением Каршинским вилаефом, что оно вам не нужно. И еще говорит, что вы жене Давлет бия говорили будто бы: „ты здесь имела тюрю (Хайдара), почему я посещал тебя. Кто теперь твой покровитель? Кого ты имеешь в Каршах? Правительство в Каршах—это я.“ Эмир требовал объяснения от Хаким бия. Но, повидимому, инцидент этот уладился. Впоследствии, до конца жизни эмира Хайдара, Хаким бий был в должности „кульли куш-беги“ (старшим над всеми куш-беги) и играл первую роль в правительстве и только с восшествием на престол эмира Насруллы в 1242 (1826) г., каковому он крепко противился, значение его утратилось.

В первый год своего правления эмир Хайдар решил короноваться в Самарканде, согласно обычаю, на „Кук-таше“. Он письмом уведомлял Хаким бия: „в субботу я со двором прибуду в Самарканд, а в воскресенье воссяду на „синий камень“, место восседания моих великих отцов и дедов. Пробуду в Самарканде дней 15, приведу в порядок тамошние дела, вы-

¹ В моем распоряжении имеются в копиях 279 приказов и писем Бухарского эмира Хайдара, писанных им в 1215—1217—(1800—1803) г.г. Каршинскому хакиму (начальнику округа) Хаким бию. Так как приказы эти и письма содержат материал, не заключающийся в других, к слову сказать, крайне скудных, источниках для внутренней истории династии мангытов, то я и решил использовать их в настоящей статье. В одном из приказов эмир рекомендует Хаким бию собирать все приказы, как это он, эмир, делал раньше по отношению приказов своего отца.

² Как видно ниже, диван-беги скорее чин, чем звание или должность. Там же см. чины караул-беги, мирахур, джебачи, токсаба, дадха, инак, парваначи, чухра-акасы.

еду в Катта курган, а оттуда в Карши. Мне не следует останавливаться в вашем доме, ибо вы не экономны, а расходы будут большие. Не ехать же в Карши нельзя—ваш враг Нияз Али бий парваначи человек горячий, надо упорядочить там дела, чтобы укоротить руки у врагов.“ Однако, вскоре же после коронования эмир Хайдар тому же Хаким бию, Давлет бию и Нияз бек бию сообщал о подавлении восстания, поднятого в Самарканде сыном его Хусайном: „окружающие света очей моих царевича Мухаммад Хусайна люди, устроив козни, сбили его с пути и ввергли в мятеж. Но некоторые мои доброжелатели поставили его на правильный путь и прислали ко мне на поклон, а сами завладели самаркандской цитаделью. После намаза „аид“¹ я выезжаю в Самарканд. Какой вы совет надумаете, пошлите в Кермине или Хатырчи“. В другом письме эмир о том же событии писал: „свет очей царевич Мухаммад Хусайн возымел желание поднять восстание. Однако, ученые, сеиды, аксакалы и народ воспротивились этому. Царевич был послан ко двору, а самаркандской цитаделью овладел мой гарнизон. Я слышал, что в узле восстания был ишан Накыб. После намаза „аид“ я выступаю в Самарканд. Кенегасцы наши враги. Возможно, что они не будут сидеть сложа руки. Вы соберите штатное войско—нукеров и ополченцов, гузарских—в Гузаре², каршинских—в Хан-абаде. Давлет бий диван-беги³ и Нияз бек бий по обоюдному согласию стоят со своими войсками в одном месте. Пусть стоят отдельно. Посылайте в крепости порох, свинец и гарнизоны, о чем я и прежде уже говорил“.

Кенегасцы не воспользовались моментом замешательства бухарской власти, восстание в Самарканде было ликвидировано, но ишан Накыб бежал в Шахрисябз к кенегасцам и продолжал там работать против эмира. Так как в Шахрисябзе были бухарские шпионы, то о действиях Накыба было известно в Бухаре. Эмир Хайдар писал Хаким бию: „распространяются слухи, что старые джизакские нукеры заводят речи с Накыбом, о чем вы и сами докладывали. Но, слава богу, государство не без хозяина. Раз вы так докладывали, то и должны сообщить, кто именно из старых джизакских нукеров вел речи с Накыбом, чтобы я их мог наказать, иначе вы окажетесь лгуном, что для меня было бы ново.“

Около этого же времени, но до или позже описанных событий—установить нельзя, эмир Хайдар писал: „изменник Накыб поднял мятеж и моих дядьев (с отцовской стороны), убитых небом и супротивных, отбросил к крепости Пейшамбе.⁴ Я двинулся на Пейшамбу и остановился там. Прежде всего я приказал произвести атаку. Мои храбрецы отбросили мятежников в Пейшамбу и осадили ее, накрепко обложив. Вечером накануне вторника крепость была завоевана.“

Однако, Накыб недолго оставался в Шахрисябзе: уже в следующем, 1216 году эмир Хайдар делал распоряжения Хаким бию занять постами переправы на Аму-дарье, чтобы перехватить бежавшего, по слухам, из Шахрисябза Накыба. Вслед затем эмир шлет распоряжение отправить людей на переправу Ходжа Салих⁵, где, по дошедшим до него слухам, переправился Накыб и проверить это сообщение; вместе с тем шпионов из Шахрисябза отнюдь не убирать, а постоянно быть в курсе всех событий там. Если же Накыб, бросится в сторону Джизака, отправить курьеров к Давлет бию (в Самарканд), а также в Бухару. Если же Накыб бросится через Каршинский вилайет, тогда самому Хаким бию

¹ Аид—два годовых праздника—Рамазан и Курбан.

² Собственно Хузар, русскими принято неправильно Гузар.

³ Самаркандский хаким, тогда произведенный в чин диван-беги.

⁴ Говорится о Пейшамбе близ Катта кургана.

⁵ На Аму-дарье.

преследовать его. Но из последующего письма эмира видно, что все эти слухи о бегстве Накыба были ложны—Накыб из Шахрисябза не бежал, просто куда-то выехал, оставаясь у кенегасцев, а потому приказано было продолжать следить за ним. Потом о Накыбе эмир еще раз сообщает, что „пока Накыб милостью божиею не умрет, он все будет заводить разговоры и поднимать смуты. Вы не вздумайте подослать человека, чтобы убить его. Дурному человеку сам бог пошлет наказание.... Все его разговоры направлены к тому, чтобы внести между нами смуту.“

Другим врагом эмира Хайдара являлся Абдулла дадха, владетель крепостей Урта кургана и Шамтана¹, которого эмир характеризовал Хаким бию словами: „Абдулла дадха не держит крепко свое слово, ни одной букве доверять нельзя. Будьте осторожны, вновь не дайте ему обмануть себя.“ Эмир Хайдар добивался, чтобы Абдулла уступил ему свои крепости. Абдулла, не решаясь прямо отказать эмиру, оттягивал ответ. О нем эмир, между прочим, писал Хаким бию: „не понимаю смысла в словах Абдулла дадхи. Пока его не прижмет старший его брат, он не отдаст (мне) своих владений. Вы скажите Абдулла дадхе: слава богу, он дал государю нашему царство и 92 народам² прибежище. Вот Сеид бий и Баба бий³ пришли и обрели на краю одеяла (эмировского) для себя место. Они получили достойные их положения почести. Если вы перейдете (к эмиру), а крепости передадите брату, то ведь вы одного рода. Пусть и брат придет и получит милости по своему положению. Крепости ваши Урта курган и Шамтан или продайте эмиру или обменяйте. Всякое желание ваше будет исполнено. Если же так не делаете, не отделитесь от своего брата, я тоже не поверю его словам. Эти слова передайте устно человеку Абдулла дадхи“. Затем из приказов видно, что Абдулла дадха предлагал Барату токсабе, стоявшему с гарнизоном поблизости, занять цитадель Урта кургана на время поездки дадхи в Бухару для свидания с эмиром. Барат ответил, что он не может оставить свою крепость. По этому поводу эмир учит Хаким бия, что если Абдулла дадха и к нему обратится с этим, то следует выяснить, нет ли обмана, а если нет, то послать туда Хакима мирахура и занять цитадель Урта кургана. Но надо действовать осторожно, чтобы не узнал брат дадхи—Ядгар парваначи, который может отвратить сердце брата от его желания.

Однако у Абдуллы с братом произошли нелады и он обратился за советом в Бухару. Эмир по этому поводу писал Хаким бию: „передайте Абдулла дадхе, что теперь уже миновала надобность в его прибытии ко двору, пусть молится (за эмира) там, у себя. Если он имеет к своему брату какие-нибудь дела и претензии, надо исполнять мои распоряжения.“ Затем, отправляясь в 1216 году в Чарджуй, эмир писал Хаким бию: „если от Абдулла дадхи будут посланцы, то скажите им, что ответ эмира передадите после его возвращения из путешествия и получения ответа от самого эмира. Если же посланные придут по моем возвращении, скажите им, что если дадха хочет служить государю, то пусть продаст Урта курган или обменяет и тогда явится в Бухару и служит государю, что тогда вы выдадите ему ручательство (в его безопасности). Если же он будет проживать в Урта кургане, вы не принимаете на себя поручительства“. Кроме того эмир писал: „надо сделать так, чтобы Абдулла дадха не дружил со своим братом. Если он попросит гарнизон, пошлите 200 человек с одним мирахуром в нашу

¹ На границе с Шахрисябзом.

² Разумеются тюркские рода.

³ Владетели из Хисара.

крепость Янги курган; пусть там стоят—опасность не угрожает. Правило всех эмиров было такое, что если кто освобождал цитадель крепости и передавал, то тогда только вводили гарнизон. Если он (Абдулла) не отдаст свою цитадель, мы гарнизона не введем. Если Абдулла дадха явится (в Карши), поместите его в посольском доме и по числу его людей отпускайте баранов и лошадям фураж. Затем он пусть посетит вас. Предложите ему сахару и сластей, подарите ему коня с серебряной попоной. После того вы ответьте ему также посещением его. Если дадха придет, прикомандируйте к нему одного караул-беги для сопровождения к нашему двору“.

Повидимому, Абдулла дадха не приехал ко двору эмира Хайдара, а завел связь с другим дадхой, Ядгар бием, и эмир письмом просит Хаким бия воздействовать на них хорошими словами так, чтобы связь эта порвалась. Об Ядгар бий дадхе он пишет, что послы его прибыли в Бухару, что он постарается повлиять на них, но вместе с тем просит Хаким бия, когда они придут в Карши, чтобы и он склонял их к тому, что дадхе следует присягнуть, что он не будет действовать совместно с кенегасцами, что, дескать, ему будет дан чин парваначи и окажут другие милости.

Действительно, несколько позже Ядгар бию был дан чин парваначи, хотя он и не приезжал в Бухару. Затем эмир дает такую инструкцию Хаким бию: „если Ядгар бий парваначи пришлет вам сказать, что он боится посылать в Бухару посланца, опасаясь, что эмир его зарежет, то отвечайте ему, что ради чего, дескать, зарежет, что эмир очень благоволил-де к парваначи, что вы-де сами допустили по отношению к нему неприличие, что если кенегасцы и теперь будут творить непотребное, то эмир сумеет их унять, а что если вы посетите эмира и выразите ему свои благопожелания, то он больше прежнего наградит вас“.

Наиболее опасным врагом эмира Хайдара был узбекский род кенегас, живший, главным образом, в районе Шахриябзского округа (вилаета). Правители этого рода по временам управляли Шахриябзским округом вполне самостоятельно, независимо от Бухары, как это и было в начале правления эмира Хайдара. Сам эмир Хайдар в письмах к Хаким бию именует их эмирами, т.-е. равными себе правителями. Вражда между мангытами и родом кенегас была давняя. Эмир Хайдар не раз указывал Хаким бию и другим начальникам на то, что кенегасцы самые злейшие враги бухарского правительства, что надо относительно их владений держаться очень осторожно и быть в полной готовности. „Смотрите, чтобы кенегасцы опять не застали вас врасплох и не сделали набега на (наш) народ. Садитесь на коня и объезжайте страну, осведомляясь обо всем“, писал Хаким бию эмир. Однажды кенегасцы бросились на крепостцу Кара тепе и, захватив ее, укрепили. Эмир Хайдар лично изгнал их из крепостцы и многих перебил, при чем убит был и начальник их Арал Кулчук. В этом деле принимали участие хузарцы и каршинцы. Эмир не предпринял дальнейшего движения, отпустив домой Давлет бия с самаркандцами, а Нияз бек бия с хузарцами.

Возвращаясь из похода в Кара тепе, Хайдар суток двое предполагал прожить в Каршах, чтобы привести в порядок тамошние дела и затем уже отбыть в Бухару. По поводу одного предполагавшегося наступления кенегасцев эмир писал: „движение кенегасцев будет или через Хузар, или через Тахта карачу¹. В первом случае вы опять не проявите слабости. Если допустите какую-нибудь ошибку, сильно меня прогневаете. Сами вы с частями шагирд-пеша² стойте в Каршах, а всех кар-

¹ Перевал через Зарафшанский хребет, по дороге из Шахриябза в Самарканд.

² Об них ниже.

шинских узбеков пошлите в Хузар. Если же кенегасцы бросятся к Тахта-караче, тогда вы произведите основательный набег на Шахрисябз.“

Повидимому, в первый же год своего правления эмир Хайдар сделал попытку подчинить себе Шахрисябз. Он писал Хаким бию: „в среду я остановился в Шур кургане (около Катта кургана), в пятницу сделаю остановку в Джаме, а в субботу выступлю оттуда и сделаю остановку в Курган агаче. Вы с каршинским войском должны прибыть в пятницу в Чиракчи. Снимите гарнизоны Янги кургана и Гурджаба, установите со мной связь. В субботу, бог даст, двинемся на Шахрисябз“. Повидимому, поход этот был неудачен, ибо в дальнейшем о нем нет никаких упоминаний.

Вскоре после событий в Самарканде, вызванных мятежом Мухаммад Хусайна, хакимом туда был назначен Давлет бий, дядя с отцовской стороны Хаким бия, а в Хузар—старший брат его Нияз бек бий. Осведомляя об этом приказом Хаким бия, эмир Хайдар предложил ему не препятствовать к переезду с Нияз бек бием к месту назначения мангытов, в каком бы количестве они ни пожелали отправиться. Точно также не только не чинить препятствий, а напротив привлечь к переезду в Самарканд с Давлет бием возможно большее количество мангытов и солдат из частей шагирд-пеша, чтобы туда отправилось возможно больше людей, ибо Самаркандский вилайет велик.

Несколько позже эмир в приказе Хаким бию отметил, что ему стало известно, что из предназначенных к переселению в Самарканд 13 человек, которые переименовываються, остались в Каршах. Эмир приказывает их немедленно выселить в Самарканд, к Давлет бию, который тогда уже получил чин инака. Несколько позже Хайдар изгонял из крепостцы Кара тепе кенегасцев, о чем сказано выше, и по отобрании ее ждал здесь семью Давлет бия, произведенного к тому времени уже в чин диван-беги.

В 1216 году эмир Хайдар в одном из приказов, между прочим, писал Хаким бию, что ему не легко было привлечь к себе население и нукеров каршинских, а в другой раз о каршинском районе упоминает: „вот уже пять лет, как я получил (в управление) народ и милостями войску и населению сумел такое количество молодых нукеров собрать, а население привести в подчинение, что оно выражает мне чувства преданности. Народ, который вы получили, обратите в верноподданных, и тогда страна станет благоустроенной.“ Каршинский вилайет в то время простирался на запад до Аму-дарьи, на юге включал в свои пределы Ширабад, на востоке граница шла не доходя Хузара, на севере проходила степями, не доходя до Кара-куля. Байсун лежал уже вне Каршинского вилайета, но в нем водворен был с помощью Хаким бия Ибадулла токсаба, с которым не только заключен был договор, но которого заставили принять и присягу в подчинении Бухаре.

Город Карши обнесен был стеной, которая в тот год требовала крупного ремонта, каковой, повидимому, и был произведен. Внутри стен была расположена цитадель, которая тогда тоже подверглась починке. Вскоре после переселения в Бухару эмир писал, что цитадель в Каршах надо держать в исправности, а после науруза, с наступлением тепла, стены ее довести до 7 гязов, в четырех угловых башнях сделать жилые помещения, а ворота устроить с перекрытием и вообще цитадель привести в порядок. Он высказывался, что цитадель в Каршах лучше, чем в Шахрисябзе. С отъездом эмира Хайдара в Бухару, а также его родственников и некоторых сановников, в Каршах оставались их пустующие здания, в которых эмир приказал поместить войсковые части, как и во „дворе калмаков“. Он писал из Бухары Хаким бию, что в его время от-

нюдь не разрешалось строить в окрестностях Каршей лавок, которые должны были строиться исключительно в городе, на базаре, чтобы город получил благоустроенный вид, что и теперь нужно следовать этому правилу. Тотчас после вызревания шелковицы, в мае, жители Каршей, когда было спокойно, выезжали на жительство за город, в сады. Эмир Хайдар, опасаясь случайностей, не разрешал войскам в это время покидать город.

В Каршах в то время упоминаются мадрасы: Абдулла хана, Бикибий, Хурджин, Ай падша биби и мадраса Аали. Можно догадываться, что последняя построена эмиром Хайдаром.

Каршинский вилайет, повидимому, считался достаточно населенным, и из него производилось выселение жителей в другие районы. Так в 1215 году эмир, приказывая Хаким бию и Нияз бек бию оставаться в Каршах и каждое полезное для государства дело проводить по обоюдному согласию, сообщал, что для сопровождения выселяющихся он назначил 2000 войска и что прибывшие (в Бухару) из Каршей переселенцы очень горюют. В том же году приказано было тем же биям выселить в окрестности Хузара из коштамгалинцев 200 человек, из аминлы—200 человек, из хузарских канджигалы—100, из хузарских актамгалы—50, кроме нукеров Давлет бия. Повидимому, расселение производилось и в целях стратегических. Правда, иногда переселяли и в Карши из других мест. Так, напр., в виду ожидавшегося наступления неприятеля, кенегасцев приказано было переселить к Каршам, кроме собранных здесь нукеров, также переселить 200 человек рода сарай и др. Всех нукеров тогда приказано было собрать и разместить в окрестностях Каршей, Хаким бию при возникновении событий не выходить из города, быть осторожным и охранять крепость. С сугубой осторожностью находиться Давлет бию в Хузаре. Обоим отнюдь не выступать против неприятеля первыми. Пушки в Каршах поставить на обычных местах, а зарядные ящики поместить во внутренних воротах Хыябана, на суфе. Пересчитать снаряды и донести о количестве их в Бухару.

Были случаи переселения в Каршинский вилайет из дальних мест. Так эмир писал в Карши: „переселяется 20 семейств мангытов колена байгунды с берегов Сыр-дарьи, которых я отправил в Карши, чтобы по узбекской пословице: „к народу пристанет народ (того же рода)—народ укрепнет,“ вы выбрали бы ладных из них в нукера, а для занимающихся земледелием отыскали бы земли подле их сородичей байгундинцев—пусть себе занимаются хлебопашеством.“

Самовольное переселение не допускалось, но кочевники передвигались даже за-границу, и только в период военных действий или ожидавшихся нападений врагов на вилайет эмир отдавал приказание воспретить перекочевку или вернуть двинувшихся в кочевку в места безопасные. Хуже дело обстояло с нукерами, которые часто самовольничали и уходили на службу в другие вилайеты. Эмир писал в Карши: „кто бы то ни был из нукеров, налегке или с семьями, если явится в Карши без грамоты на то—ловите и сажайте под арест в яму на несколько месяцев и подвергайте побоям. Доносите о всех переселяющихся из Каршей в Бухару. Вообще можно переселяться в Бухару только имея на то грамоту от меня. Я слышал, что некоторые, прибыв сюда и поступив нукерами, вновь ушли в Карши. Разыщите их, накажите и вышлите сюда“.

Крепостей в Каршинском вилайете было более десяти, и большая их часть была расположена на восток от Каршей для защиты от Шах-рисабзских кенегасов. Крепости представляли селения в населенных местностях, были обнесены высокими земляными стенами. Внутри каждой крепости имелась цитадель, обнесенная такою же стеной. В цитадели

обычно помещалось начальство, гражданское и военное, и гарнизон. Наблюдалось, чтобы стены содержались в порядке и чинились своевременно. Для починки посылались наряды жителей с кетменями и лопатами. Самыми отдаленными крепостями вилаята были Керки и Ширабад. При открытии военных действий население обычно стекалось под защиту крепостей со всяким своим скарбом. В крепостях располагались гарнизоны в составе от десятка солдат до двух сотен, в зависимости от стратегического положения крепости и момента. Обычно службу по крепостям несли солдаты Каршинского вилаята, но иногда эмир в те или иные крепости присылал гарнизоны из Бухары или Хузара, а местные вводил в Бухару. Часть крепостей иногда оставалась вовсе без гарнизонов, так как эмир тогда находил лишним держать там солдат. Бывали случаи, когда эмир поручал какую-нибудь крепость охране известной группы войск, предоставляя самой войсковой части устанавливать очереди и сроки очередей. В крепость Ширабад гарнизон всецело обязан был поставлять род сарай, в Гурджаб мангыты, в Акчу кунграды, те самые рода, среди которых находились эти крепости.

Организацию войска в Каршинском вилаяте эмир Хайдар приписывает себе, по крайней мере в том виде, в каком она была в 1215—1217 годах. Войско это (ляшкер, кошун, чирик) делилось на регулярное—нукерия и иррегулярное—кара-чирик. Нукерия заключала в себе собственно нукеров и шагирд-пеша (успевающих учеников). По роду оружия нукерия делилась на мергенов (стрелков) и найза-даст (копийщиков).

Кара-чирики несли службу наравне с остальным войском как в военное, так и в мирное время. Оружия для них было совершенно недостаточно, и в приказах о сборе кара-чириков в поход эмир писал: „если нет оружия, пусть вооружатся лопатами и кетменями“. По миновании надобности кара-чириков распускали по домам, „дабы не было вреда населению“. Собирали кара-чириков путем объявления на базарах через джарчи (глашатаев) приказа эмир. Так как рода и отдельные группы населения заранее точно знали о количестве кара-чириков, которое они должны поставить по первому требованию власти, и заблаговременно составляли списки, то при сборе больших недоразумений не происходило. Тогда как нукерия получала казенных лошадей, кара-чирики должны были нести службу на своих, при чем всегда требовалось, чтобы кара-чирики являлись на службу на сытых конях. Эмир писал в приказе: „когда вызову кара-чириков на службу, чтобы не смели, как раньше, уклоняться от явки, а тотчас бы садились на коней.... Кто останется дома, не только не получит содержания, но будет наказан“. Если для охраны гарнизонов крепостей не хватало нукеров, посылаемую часть из нукеров пополняли кара-чириками. Точно также при формировании отрядов из нукеров для отправки в поход, в случае недобора, допускалось их пополнять кара-чириками, доводя последних иногда до половины состава отряда.

Интересную войсковую группу представляли шагирд-пеша, подготовительные части войск, подготовлявшие молодых людей в разряд настоящих нукеров. Эмир писал Хаким бию: „лучших шагирд-пеша переводите в нукеров, но количество шагирд-пеша не доводите свыше 500. Вообще, когда окажутся из шагирд-пеша отличные молодцы, обращайтесь к ним в нукеров, а негодных шагирд-пеша изгоняйте“. Шагирд-пеша несли гарнизонную службу по крепостям и участвовали в походах. Эмир в приказах отмечал, что шагирд-пеша мало отбывают службу в гарнизонах, больше спят, предлагает почаще посылать их для гарнизонной службы. Однажды эмир в приказе указал Хаким бию, что при нем шагирд-пеша бездельничают в Каршах и что надо подготовить из них человек 50 для отправки на службу в Бухару и ждать, когда эмир их потребует. Эмир

несколько раз писал Хаким бию, чтобы он не набирал шагирд-пеша больше 500 человек, и только на это количество писались бы поименные их списки (тумары). Во время походов, когда нукера уходили, на шагирд-пеша возлагалась ответственная служба—охрана казенного имущества, казенной промышленности, городских ворот и пр.

Нукера делились, как сказано, на стрелков (мерган) и копийщиков (найза-даст). В составе копийщиков были кара-аламаны, назначение которых состояло, повидимому, в набегах на неприятельские земли и захвате имущества. Стрелки были вооружены ружьями, а копийщики—пиками с металлическими наконечниками. В то время еще употреблялись луки и стрелы, по крайней мере, в частном обиходе. Так эмир некоторым начальникам подарил луки, на что обидился Хаким бий, не получивший подарка. Порох выделялся самими нукерами, которые иногда и торговали им. По крепостям держали запасы пороха и свинца. Судя по тому, что пики для войска приготавливались правительством, надо полагать, что и ружья были казенные. На нукеров велись именные списки, а умиравшие из них исключались с выдачей о смерти удостоверений родственникам (как будто для ходатайствования о пенсиях). Точно также время от времени на павших лошадей нукеров составлялись списки для представления эмиру, который отпускал средства на покупку новых. В мирное время нукера, чаще чем шагирд-пеша и кара-чирики, посылались в крепости для гарнизонной службы, а в военное время они составляли основной кадр военной мощи. Эмир некоторых нукеров знал поименно и приказывал некоторым из них числить кандидатами на должности или указывал Хаким бию, кого из них представить к должностям. Бывали случаи, что нукера посылали на службу вместо себя наемных людей. Эмир приказывал отнюдь не допускать такого явления.

Особую войсковую часть составляла артиллерия под командой тупчи-баши. Орудия перевозились на колесах, при них были лафеты (джиляу тубхо) и зарядные ящики (арабаи-дару). Стреляли ядрами (тир). К сожалению, никаких подробностей об артиллерии и ее действиях наши материалы не заключают. Однажды эмир послал Хаким бию сорок волов для впряжки в орудия.

В Каршинском вилаете формирование войска производилось таким образом. Каждый род и каждая народность, населяющая вилает, должны были доставлять правительству раз навсегда определенное количество людей для военной службы. Количество это определено было особым обследованием. Больше других давали людей в войско мангыты, а именно: нукеров—900 человек и кара-чириков 500, всего 1400. Из нукеров половину составляли стрелки и половину копийщики. Кроме того, мангыты особо поставляли юношей аристократии и батчей под именем „бай-бача“ в количестве ста человек. Интересно, что из других родов не формировали группу „бай-бачей“. Род сарай нукеров и кара-чириков должен был поставлять в количестве 500 человек, но собственно нукеров из них только 100 человек. Общество аймак должно поставлять 300 человек, арабы 100 стрелков, жители за исключением Каршей (непринадлежащие к родам)—200, общество уздов—20, кушчи—50, род катаган—6, арляты и кафиранджи—10, ябу—20, дурманы—4 стрелка, пенджабцы¹—25, кочевники—25, карлуки—15, хытай только шагирд-пешей—19, дербендцы²—13, сирабцы³—12 человек. По этому счету в Каршинском вилаете насчитывалось 2319 человек войска. Однажды эмир по каким-то соображениям потре-

¹ Пенджаб был населен не узбеками.

² Дербенд имел население не узбекское.

³ Сираб имел не узбекское население.

бовал, чтобы от мангытов число нукеров было увеличено до 1400 человек, а кара-чириков уменьшено до 180 человек. Это войско так сказать мирного времени, но в военное и другие рода и группы населения также поставляли людей в войско. Так однажды эмиром было приказано Хаким бию сформировать отряд (даста), предназначенный к отправлению в поход, под командой Хакима мирахура, в следующем составе: первая сотня стрелков из колена багурдак под командой джебачи, вторая сотня из остальных багурдаков с добавлением их же копийщиков, под командой мирахура; третья сотня из 30 коштамгалинцев, 20 байгундинцев, 30 ток-мангытов и 20 купаляков, под командой курчи-баши¹; четвертая сотня из 30 ак-мангытов, 50 прибрежных (аму-дарьинских) жителей (су-буи) и 20 казаков (киргиз), под командой курчи-баши; пятая сотня старая. Кроме этих пяти сотен стрелков, в состав отряда должны войти пять сотен копийщиков: одна сотня из 60 ток-мангытов, 20 купаляков и 20 байгундинцев под командой мирахура, вторая сотня из 80 копийщиков колена тимур ходжа и 20 ак мангытов, под командой мирахура, войсковая часть Абурахима мирахура в 170 человек, часть Мансура курчи-баши в 20 человек и еще одна часть. При этом эмиром указано было, что если стрелков окажется более 500, излишек их перевести к копийщикам и наоборот. К первым двум сотням багурдаковцев были прикомандированы: один караул-беги, один битикчи (писарь) и двенадцать чухра-акасы, которых приказано числить как дахбаши (десятников).

В субботу 9 джумади-сони 1216 г. эмир из Бухары предписал Хаким бию произвести смотр отряду из каршинских и хузарских войск, отправляемому в Мерв, и после смотра отряд передать назначенному командующим им названному выше Хакиму мирахуру, пользовавшемуся особым доверием эмира. Последний приказывает отряд отправить бухарской дорогой и составить каршинскую часть отряда, „согласно обычаю“, из 70 нукеров и 60 кара-чириков мангытских, 20 нукеров и 110 кара-чириков сарайцев, 30 шагирд-пеша и 10 хасабардоров² из сарайцев же, 20 кара-чириков из арабов, 5 узов, 20 кушчи, 2 катаганов, 3 арлатов и кафиранджи, 5 карлуков, 7 хытаев и 1 дурмана. Из мангытских начальников назначены были в поход два курчи-баши и два джебачи, из сарайцев один караул-беги, один мирза-баши, один удайчи³ и один ясаул-баши⁴.

Трудно догадаться, какие расчеты были положены эмиром в основание требовать у переименованных групп населения то или иное число воинов. Может быть им взята приблизительная пропорция поставляемых каждой групповой единицей солдат.

Из приказов эмира усматривается, что нукера и шагирд-пеша получали довольствие натурой (провиант и фураж), деньгами и одеждой. Каждый воин, сообразно званию и положению, получал херадж и танаб, т.е. с определенной площади посевов и клеверников зерно и клевер в том размере, который следовал в казну в качестве налога. В одном из приказов эмир пишет относительно размеров следуемых военным людям окладов: „выдайте джебачиям и чинам выше джебачи по 6 гау⁵ посевов, чухра-акасы и чинам ниже по 4 гау, десятникам, которых я послал, по 3 гау, а прежним—по 2½ гау, стрелкам по 2, копийщикам (также) по 2, а из копийщиков кара-аламанщикам по 1 гау“. В действительности выдавалась не земля для обработки и не посевы, а именно налог с них.

¹ Придворная должность.

² Хасабардорами называлась челядь, которую для двора обязаны были поставлять некоторые рода.

³ Звание, даваемое сеидам.

⁴ Ясаул-баши—в это время чин для поручений.

⁵ Гау (корова, бык) и джфти-гау (пара быков) площадь приблизительно в 5 десятин т.е. такая площадь, которую в сезон можно распахать на паре волов.

При этом эмир приказал принять за правило отводить земли и посевы ни где попало, а там, где имеют таковые родичи данного лица. Эмир, сообщая Хакиму бию, что он раньше (в бытность в Каршах) имеющим клевера нукерам давал по одному танапу из того числа, которым они располагали, т.-е. танапный сбор за один танап не взыскивал, предлагает также таким нукером давать по одному танапу.

Устанавливая норму нукеров из мангытов в 900 человек, наполовину из стрелков и наполовину из копийщиков, эмир писал, что если стрелки пожелают взять землю сообща исполу, то надо дать с расчетом на каждого по одному „джуфти-гау“, дахбаши (десятникам)—по три, младшим (офицерским) чинам—по четыре и старшим по шести. Точно также из копийщиков кара-аламанам дать по одному гау, багадурам (десятникам)—по три, младшим (офицерским) чинам—по четыре и старшим—по шести. Согласно этого расчета предлагалось составить списки получателей. При этом, кто распахивает сам землю, тому отвести из его земли, кто земли не имеет, того числить аюфахуром (пользующимся провиантом) и землю отвести у родственников, если они занимаются пашней. Эмир предупредил, что он будет производить часто ревизии, насколько выполняется это распоряжение.

Некоторым лицам эмиром установлены были особые повышенные оклады. Так, известному Хакиму мирахуру приказано было отвести земли, если она не дахъяк¹—30 гау, а если дахъяк—40, а Курбану мирахуру—30 гау дахъяк. В один из означенных годов (1215 и 1217) эмир приказал выдать 900 мангытским нукерам, к которым, естественно, особо благоволил, доходы с 11 каршинских и 4 хузарских ханских деревень в вознаграждение.

Хаким бий как-то просил эмира отпустить ему на нужды вилаета доходы с местности Кошчи. Эмир приказал 1000 манов² внести правительству, а остальным воспользоваться таким порядком: 1000 манов отпустить бухарским нукерам, а остальное—каршинским. Что касается фуражного довольствия, то находим указание давать нукерам по одному танапу клевера, т.-е. опять-таки не клеверные поля, а причитающуюся в налог часть урожая.

Считая в Каршинском вилаете площадь ирригационной земли „гау“ или „джуфти-гау“ в 20 танапов или 5 десятин ирригационной пашни и средний урожай пшеницы в 40 пудов, а средний налог в $\frac{1}{10}$ урожая, получим годовой оклад рядового нукера зерном только в 20 пудов.

Затем из наших приказов не видно, чтобы солдатам уплачивалось какое-нибудь определенное жалованье; ясно лишь одно, что время от времени они получали то или иное денежное вознаграждение. Эмир писал Хакиму бию: „войску бухарскому, мианкальскому и самаркандскому вознаграждение и танабану я выплачу сам. Служба каршинского войска была весьма хороша—надо им уплатить жалованье (танхо). Вы сделайте ему смотр, сколько окажется людей, пришлите мне донесение, и я вышлю причитающиеся им деньги“. Затем эмир уведомлял, что им высланы (для каршинского войска) полторы тысячи тиллей к тем значительным деньгам, которые имеются на местах (в Каршах), что нукера в этом году выполнили большую службу и что каждому нукеру следует выдать по две тилли. В 1215 году эмир приказал Хакиму бию выдать несостоятельным мангытским нукерам и бедным шагирд-пеша по одной

¹ Дахъяк такая земля под культурой с которой $\frac{1}{10}$ часть урожая взималась в налог.

² Каршинский ман=8 пудов.

тилле, одним из зякетных сумм, другим из налога джууль.¹ Затем 20 человекам, находившимся в гарнизонах около Каршей и в предыдущем и в этом году было выдано по две тилли. Кроме того 1500 нукерам из мангытов и сарайцев и шагирд-пеша эмир распорядился выдать по две тилли, при чем часть денег сам выслал, а часть отнес на суммы, имевшиеся на месте.

В 1216 году эмир приказал из налога джууль удержать 600 тиллей, из которых 300 выдать по одной тилле 300 шагирд-пеша и сарайцам, которые не имеют собственных земель и не пользуются танапным сбором, а остальные 300 тиллей выдать тем шагирд-пеша и сарайцам, у которых пали лошади, на приобретение новых. Точно также он приказал мангытским нукерам, за исключением пользующихся танапным сбором и имеющих земли, выдать также по две тилли, а на покупку лошадей, взамен павших, обещал выслать деньги.

Посылая гарнизоны в некоторые крепости, эмир иногда приказывал выдать по одной—две тилли рядовым, по 3—десятьникам и по 4 тилли старшим чинам.

Повидимому еще реже, чем деньгами, производилась выдача вознаграждения одеждой. В 1215 году эмир извещал Хаким бия, что он высылает комплекты одежды (сарупа) нукерам из мангытов, а нукерам сарайцам предлагал выдать обмундирование из средств, имеющихся в распоряжении самого Хаким бия. Одним из писем эмир напоминал Хаким бию, что в бытность его в Каршах у него было правило—гарнизону в Пенджабе выдавать (ежегодно) подарки: начальнику тонкого сукна (шаль) халат, казию—чекмень, остальным по зимней шапке и просил обычай этот не уничтожать. Раз эмир писал Хаким бию: „вы выдали обмундирование, сарайцам и шагирд-пешам оказалось хорошее, другим же плохое. Хасабардорам вы выдали чекмени юрма. Однако это не чекмени юрма. Кто носил чекмени юрма, тем эти не подходящи. Какую обмундировку я выдавал, выдавайте и вы“. На почве выдачи Хаким бием недоброкачественной обмундировки между нукерами вышло на этот раз недовольство, и в дело должен был вмешаться эмир, из приказа которого видно, что некоторые нукера высказывались, что они не желают оставаться в подданстве (эмира), так как отношение к ним изменилось—раньше, когда эмир был в Каршах, все они были равными, а теперь нет. Эмир наставляет Хаким бия, как устранить инцидент, предлагая ему объявить нукерам, что отношение к ним государя не изменилось, что все они слуги его и т. п.

По поводу одного случая эмир писал Хаким бию: „я вам приказал прислать 50 человек хасабардоров, а не кара-чириков, которых вы послали. 50 человек, которых вы пошлете, оденьте и снабдите карманными деньгами, а не присылайте голыми и без средств. А когда нужно будет еще прислать, я потребую, но и тогда не присылайте их без одежды и средств. Некоторые даже явились не лично, а прислали за себя людей. Так делать, разумеется, отнюдь нельзя“.

Из наших материалов трудно уловить, насколько удерживала нукеров на службе возможность повышения, получения за отличие и долголетнюю службу чинов и должностей. Знатные люди сразу награждались большими чинами. Так Хаким бий, не имея никаких чинов, сразу получил высокий чин парваначи, а Давлет бий—инака. При этом должности вовсе не были связаны с чинами. Известны случаи, что в войске старшие чины иногда служили под командой младших. Например, упомянутый выше начальник отряда в десять сотен Хаким мирахур под

¹ Об этом налоге ниже.

своей командой имел нескольких джебачи, а последние выше мирахура. Чаще всего производство шло в таком порядке: караул-беги, мирахур, токсаба, дадха, инак, парваначи, диван-беги. Но иногда караул-беги производились в джебачи, а последние в мирахуры, а в качестве первого чина считали чухра-акасы. Все эти должности считались командными, за исключением диван-беги. Конечно, каждый, имея тот или иной из этих чинов, оставляя военную службу и переходя на гражданскую, или уходя вовсе со службы, продолжал титуловаться последним выслуженным им чином.

Как обычно шло производство в чины видно хотя бы из такого места одного приказа эмира Хаким бию: „в праздник рамазан я награжу соответствующими чинами молодых бухарских нукеров. В Каршах четыре человека из младшего состава и четыре из старшего достойны награждения чинами (все восемь человек переименовываются, из них четыре нукера и четыре караул-беги). Если они не будут находиться в гарнизонах, пришлите их ко двору, чтобы они получили свои чины. Если же находятся в гарнизонах, пусть приедут после освобождения. Вместе с тем награждаю Барата мирахура чином токсабы, а Нияз бека караул-беги—чином мирахура“. Кроме того эмир приказывал время от времени присылать двух-трех нукеров для награждения чинами или должностями.

Впрочем, чинами награждались не только свои, но и высокие особы соседних независимых или полунезависимых владений. Так Ядгар бий дадха, о котором речь была раньше, получил чин парваначи благодаря тому, что эмир Хайдар имел большое желание завладеть крепостями его брата Абдулла дадхи. В 1215 г. Сеид бий парваначи, владетель Хисара, прибыл в Бухару и, повидимому, вступил с эмиром Хайдаром в договорные отношения, признав зависимость Хисара от Бухары. За это он получил титул аталыка (канцлера) и уехал в Хисар. Эмир, надо думать, не совсем доверял ему и несколько позже послал в Хисар к Сеиду аталыку Раджаб бек бия с секретным поручением узнать, как там обстоят дела. В это же время еще один из опасных врагов Бухары—Нияз Али бий, за которым эмир ухаживал, привлекая к себе на службу, выговаривал через Хаким бия серьезную награду—титул аталыка. Эмир был очень высокого мнения об этом человеке. Он писал Хаким бию: „Нияз Али бий парваначи мятежник, но человек храбрый, не бросающий зря слова, господин своего племени. Нужны люди, чтобы сражаться с ним в (открытом) поле. Его племени мы можем противопоставить наше племя, но лично ему противопоставить из мангытов некого. Так или иначе, Шукур бий и Нияз бек бий—две половинки, одно целое..... есть надежда, что в бою Нияз Али парваначи не выдержит.“ На письмо Хаким бия о титуле аталыка Нияз Али бию эмир ответил, что готов удовлетворить его любой должностью и чином, за исключением аталыка, каковым титулом пожалован уже Сеид бий.

Командный состав на каждую сотню состоял из одиннадцати человек—десяти десятников и одного сотника. Эмир заметил у сарайцев лишний командный состав и в приказе указал, что лишние командные чины могут находиться в частях лишь как исключение, например, когда достойные чины остаются без места. Хаким бию указано было, что командный состав он избирает совместно с мангытскими аксакалами, составляет список избранных по одиннадцати человек на сотню и список представляет на утверждение эмиру. В случае, если окажутся спорные должности, кандидатов на них вносить в особый список и последний тоже представлять эмиру. Как для нукеров, так и для шагирд-пеша в этом отношении порядок остается один и тот же. Вне определенного

числа командного состава остается только командующий всеми нукерами Хаким мирахур и командующий шагирд-пеша Хаким бий. Однако, сам эмир иногда нарушал этот порядок и сам присылал людей на командные должности или указывал кандидатов с требованием сделать представление об них.

Начальниками крепостей были одновременно командиры гарнизонов, но иногда в большие крепости назначались эмиром особые начальники в чине мирахура и токсабы. В гражданском отношении население крепостей и окрестные селения подчинялись даруге. Почти все крепости Каршинского вилаета были расположены в восточной его части, для защиты от Шахрисябза и других восточных владений. Повидимому и со стороны этих владений в свою очередь были построены крепостцы. Все крепости в описываемое время были однотипны, и большая часть их основана была раньше. Крепости занимали по большей части командующее положение над окрестностью и представляли небольшое пространство с разными постройками, обнесенное стеною, по преимуществу глинобитной, значительной высоты и имели внутри цитадель, также огороженную стеной. В крепостях, в зависимости от стратегической важности их, стоял гарнизон в том или ином составе. Кроме того, численный состав гарнизона менялся от политического момента. На восток от Каршей наиболее важная крепость была Янги курган, гарнизон которой доходил до 300 человек. Жители Янги кургана подозревались в сношениях с кенегасами, и из осторожности там пришлось держать усиленный состав гарнизона. Впрочем, эмир мало верил этому и думал, что дурные слухи об них распускаются упомянутым Нияз Али бий парваначи. Но в 1216 году эмир имел какие-то основания опасаться, что в Янги кургане будет поднято восстание и потому приказал усилить здесь гарнизон и назначить коменданта. Еще до этого эмир писал Хаким бию, в заботах о положении дел в ней, что в Янги кургане нет знающих дело начальников и предложил ему послать туда известных ему, эмиру, одного мирахура и одного караул-беги каждого с сотнею, состоящей из 90 стрелков и 10 хасабардоров. Наконец, эмир требует, чтобы в Янги курган был послан гарнизон из мангытов и чтобы в нем было человека 2-3, пользующихся особым доверием. Мало того, по временам эмир посылал туда стоять бухарский гарнизон.

Другая важная крепость была Гурджаб. Так как стены внея разваливались, эмир приказал набрать в верхних селениях (выше по реке Кашка-дарье) до 200 рабочих и послать их с двумя опытными руководителями для исправления крепости. По этому случаю эмир отвечал на донесение Хаким бия: „вы пишете, что крепость Гурджаб упала, и спрашиваете, что делать? Удивляюсь такому вопросу: следовало тотчас же послать людей и исправить.“ Относительно крепости Баста-хан эмир писал, что „крепость эта граница и окраина—надо усилить гарнизон.“ Что касается Чиракчей, Яр тепе, Пенджаба и Ульмитана, то шли распоряжения снять стоявшие в них гарнизоны, то вновь поставить, то усилить. Когда Хаким бий возобновил ветхую крепость Пенджаб, эмир похвалил его. Крепости Янги-кент, Маджар, Камыши, Кургашим и Кум эмир напоминал о необходимости держать исправно и гарнизоны в них в порядке, объясняя это близостью врагов, а затем разъяснял, что Янги-кент, Маджар и Кургашим издавна числились в районе Каршей, откуда им посылались даруги, и приказал сделать представление о назначении в Янги-кент и Кургашим даруги. Крепость Ярту тепа пришла в ветхость, и эмир особым поручением приказал исправить в ней цитадель и посылать туда по очереди гарнизоны от Каршей и Хузара. От Каршей он два раза поручал посылать нукеров из колен чауки и ун-ики.

Придавая крупное значение восточным крепостям, по соседству с сильным врагом, кенегасцами, эмир время от времени посылал туда придворных чинов для инспекторского осмотра и вообще, как видно из его приказов, был хорошо осведомлен о положении дела здесь.

В Керках гарнизон доходил до 300 человек и падал до 10. Эмир много внимания уделял и этой крепости, гарнизоны в которой и состав он часто менял. В одном приказе он высмеивает начальника гарнизона, говоря, что если бы он не боялся, то в Керках нет надобности держать и одного нукера. Однако, когда сам эмир двинулся в Керки, то он распорядился усилить его гарнизон. В Ширабаде эмир приказывал держать гарнизон из сарайцев и ак-ули в сто человек посменно, имея для того состав в три сотни и меняя гарнизон ежемесячно. „Если чияты потребуют себе гарнизон, пошлите им кара-аламанов человек 20—60, исправив их крепостцу“, писал эмир Хаким бию, а в другом приказе он хвалит туркмен эрсари за то, что они не боятся жить, не имея ни одной крепости. Потом эмир обратил внимание на то, что большая часть нукеров колена чауки сидит (бесполезно) в Чилимбаше, и приказал отправить их в Бухару.

Как видно из наших материалов, Каршинский вилайет в описываемое время населяли, главным образом, узбеки различных родов и небольшое количество арабов, казаков и киргиз. Арабы проживали в нескольких селениях: в Камыши, Абране, Фуладе и др. Арабы местности Камыши жили беспокойно. Об одной большой драке между ними Хаким бий донес эмиру. Последний приказал присматривать за ними. „Если еще будут драться, накажите их посильнее, да так, чтобы в другой раз не дрались“, писал эмир. Казаков и киргиз в вилайете обитало немного. Летом с другими кочевниками из узбеков они откочевывали даже за пределы вилайета. Городское население Каршей состояло из узбеков разных родов и выделено было в особую внеэтническую группу в отношении налогов и поставки людей в войска. Однако, как в Каршах, так и в лучших частях вилайета проживали главным образом узбеки рода мангыт, превосходившие численностью другие рода и вместе с тем бывшие привилегированным узбекским родом, из которого происходили бухарские ханы и представителями которого замещались высшие должности в стране. Каршинские узбеки рода мангыт состояли из колен: ток-мангыт, байгунды, ак-мангыт, чала-мангыт и кара-мангыт. Следующую по численности после мангыт родовую группу составляли сарайцы, занимавшие южную часть вилайета. Затем упоминаются менее значительные рода узбеков, проживавшие в Каршинском вилайете: бахрин, карлук, хытай, дурман, юз, катаган, арлят, джабу, алчин и мелкие колена: чауки, беш-каль, галля-батыр, уз, ун-ики, коштамгалы, канджигалы, живущие и по сие время в Каршинском и соседних районах, в б. Самаркандском и Катта курганском уездах, кафиранджи, аймак, кучин, кушчи, багурдак, купаляк, кепакчи, тимур ходжа, тас-кукальдури, карарь, ерча-кара, байгунды, кара-пир, чият и узбеки курама, частью обитающие в тех же местах и в настоящее время. Затем была еще группа лиц, именовавшаяся чагатай беки. Эмир Хайдар называет их мангытами и родственниками (мангытов). Он предлагает Хаким бию относиться к ним с уважением. Чагатай беки хотя и занимали должности, но были малоспособны. Об одном из них эмир говорит, что едва ли найдется 10—15 человек среди мангытов, которые понимали бы его, а другого высмеивает как труса. Группы ун-ики и чауки, а также арляты и кафиранджи чаще упоминаются вместе, из чего следует заключить, что между ними была не только территориальная близость, но и родовая. Кроме того, была группа под именем козы кочкар, делившаяся на три

общества. Двум из них была предоставлена свобода подчиняться некоему мирахуру или чагатай бекам. Часто упоминается в наших материалах кочевое население (илят) без указания на народность и население по названиям местностей, но опять без указания народности. Интересно то, что среди многогородового тюркского населения не встречалось вовсе таджиков в Каршинском вилаете, по крайней мере об них нет ни одного особого упоминания даже среди тех групп населения, которые поставляют воинов и платят налоги. Они могли быть только в составе группы под обобщающим термином „фукара“, население, под каковым и несли свои повинности.

Признаку родового происхождения у каршинских узбеков в то время придавалось большое значение, так как не только к именам знатных и чиновных лиц прибавлялось в официальных бумагах название рода или колена, но и к именам самых обыкновенных смертных.

Из налогов, взыскивавшихся с населения Каршинского вилаета, в наших материалах упоминаются следующие: херадж, собиравшийся с посевов хлебных и масличных растений, танабана—с площадей под клевером, садами и огородами, джууль¹ (подушная подать), салык и зякет (поимущественно-подоходная). Часто эмир писал, чтобы собранный налог, сколько ни на есть, экстренно высылался в сопровождении отряда в Бухару, а остальной добирался бы скорее и со всяческой осторожностью высылался бы тоже. Налог танабана в 1216 г. эмир приказал взыскать в окрестностях Каршей по 20 тенег с танапа лучших полей, а с полей среднего качества—по 8 тенег, в Файзабаде, Фуладе, Булмасае и Гадане по 9 тенег в среднем.

Налог джууль взыскивался в размерах, назначенных эмиром с групп населения или с родов и колен. В 1216 году налог этот назначен был с жителей Каршей в 1500 ашрафи (золотых), с жителей каршинских пригородов—в 300, с общества аймаков—1200, с общества арабов—300, с каршинских узбеков курама—220, с общества ходжа джан—500 ашрафи. С жителей кепакчи в предыдущем году налог этот был взыскан с избытком в 108 ашрафи и эмир приказал возвратить им половину. Сколько уплачивалось налога джууль другим населением, данных в наших материалах нет, но насколько налог этот был велик, можно судить по одному частному случаю, когда с 5 семейств ак-мангытов он был взыскан в сумме 12 тенег. Повидимому, каждая группа налог этот сдавала своему аксакалу, который и вносил ее хакиму. Из налога джууль эмир иногда выдавал пособия солдатам, так он предложил Хаким бию выдать сто тиллей гарнизону в Ярту тепе из этого налога.

Повидимому, труднее всего было собрать зякет, который вообще трудно поддается учету, и легко утаивается имущество, подлежащее оплате этим налогом. Поэтому иногда прибегали к жестоким мерам при его взимании. Однажды по поводу способов сбора зякета эмир писал в приказе Хаким бию: „приложите старание собрать зякет там, где он еще не собран. Против тех, кто вам положенный зякет отказывается давать, употребите военные действия, набеги и баранту и все-таки получите зякет. Ни в каком случае нельзя оставлять зякет невзысканным“. В другой раз он писал помягче: „зякет начинайте собирать с начала мая и для сбора его пошлите чиновников, знающих зякетные правила. Надо, чтобы посланные не утесняли народ, но вместе с тем и не проявляли мягкости. При сборе налога проявлять снисходительность—значит наносить вред народным интересам“. Еще в одном приказе эмир на-

¹ Налог джууль - налог необыкновенный, а экстраординарный, собираемый в период священных войн (джахад), когда казна (баит-уль-маль) истощена.

ставлял, что с тех, кто не противится сдаче налога, надо взыскивать осторожно и по шариату, чтобы не было угнетения никому. В 1216 году эмир Хайдар писал Хаким бию: „ваши люди при сборе зякета творят большие утеснения. Когда я пребывал в Каршах, я брал зякет одинаковый и с кунградцев по ту сторону гор. Теперь, когда я в Бухаре, все равно вы берете с них зякет одинаково равномерный (со всеми) и утеснений им не допускайте“.

Какая сумма зякета взыскивалась с Каршинского вилаята—неизвестно, но во всяком случае она превосходила два ляка¹ тенег, так как эту сумму в 1215 году эмир требовал себе, а излишек оставлял Хаким бию для выдачи жалованья нукерам. Но в следующем году он требовал выслать ему уже всю сумму зякета без остатка, при чем обещал какой-то излишек сверх предположенной к сбору суммы возратить Хаким бию на местные расходы. Какая-то группа кенегасцев должна была вносить налог не самостоятельно, а через сарайцев (или совместно с последними), но не вносила. Эмир приказал начальствующим лицам Каршинского вилаята сделать набег на кенегасцев, но осторожно, чтобы не пострадало во время набега свое население и чтобы не произошло вреда подданным Ядгар бия парваначи, о котором сказано выше. Повидимому, и другие мелкие группы населения в отношении сдачи зякета были причислены к крупным группам. Затем эмир предлагал каршинским властям не брать зякета с бухарских овцеводов арабов, которые вносят зякет по Бухаре. В 1215 году для сбора зякета из Бухары были командированы чиновники в Каршинский вилайет. Для взимания зякета с баранов эмиром предложена оценка их: с общества урус 15 тенег, с других обществ от 10 до 12 тенег. Зякет с Лянгара эмир поручил собирать одному мирахуру с тем, чтобы собранная сумма была разделена бедным нукерам крепости Ярту тепе, а зякет с кочевников кабанлы им пожертвован был одному ишику акасы². Предлагая Хаким бию точно вести записи расходам из сумм зякета, эмир откровенно обнаруживает недоверие к его честности. Он пишет тут же: „если я в вашем доме буду есть пищу, то смотрите, чтобы она была чистая“, иначе говоря, приобретенная не на ворованные средства. Затем эмир указывает, что присланные ему зякетные дафтары (книги) велись бестолковыми писарями, и отмечает в них неправильности.

Для выяснения урожая хлебов эмир посылал в разные местности своих людей, амлякдоров (сборщиков податей). Так им посланы были в качестве амлякдоров три диван-беги, один сарраф (меняло) и один хлебопек (нанвай) в окрестности Каршей, „за исключением района верхних селений, Касана и нижних селений“. В нижние селения посланы были два десятника (дахбаши) и один джарчи баши. При этом эмир приказал Хаким бию дополнить каждого посланного одним своим доверенным лицом. Херадж с Каршинского вилаята взыскивался в переводе на деньги свыше одного ляка тенег.

Для исчисления танапного сбора эмиром посылались люди обмерять площади под клеверниками, огородами и садами. Иногда эмир, не доверяя этим людям, посылал в тот или иной район чиновников производить проверку уже обмеренных земель.

Особым видом повинности являлось переселение на новые места. В случае надобности по экономическим или стратегическим причинам заселить какую-нибудь местность, преимущественно окраинную, эмир объявлял, что такие-то и такие группы населения обязаны дать для пере-

¹ Ляк—100.000 тенег.

² Придворный чин.

селения такое-то количество семейств, нукеров и шагирд-пеша. Эта повинность называлась ак-уйли (ссылка). Общество кепакчи было освобождено от этой повинности.

Узбекское население вилаета управлялось биями, которых эмир время от времени одаривал, давал чины и назначал на должности. Однажды Хаким бий был обижен тем, что эмир обошел его подарками, выдав некоторым биям сабли и прислав скороходов. Эмир должен был опровергнуть слух, что он подарил биям сабли, и подтвердить, что подарил скороходов, при чем и ему, Хаким бию, также 'дарит не только скорохода, но и саблю. Как к высшей в вилаете инстанции население по судебным делам, на основании особого приказа эмира, должно было обращаться к Каршинскому казию; по другим делам все узбеки должны были обращаться к Нияз бек бию (когда он был в вилаете), а ученые, сеиды, аймаки и почетные люди из населения—к Хаким бию. А Аваз агалыку, бывшему аксакалом в бытность Хайдара тюрей в Каршах, приказано оставаться в этой должности аксакала (старосты) народного и дальше. Хаким бию эмир предлагает казию и мухтасибу¹ в делах шариатных помогать, оказывать им уважение (перед народом), а о слабых мухтасибах доносить. Казии были и в некоторых селениях, напр., в Чиракчах, Касане и др. В сельских местностях власть принадлежала даругам. В каждом крупном селении был свой даруга, несколько мелких селений объединялись одним даругой. На те и другие должности назначения исходили от эмира. Чиракчинский казий бросил должность, явился к эмиру и не хотел возвращаться. Эмир написал ярлык о назначении нового казия, оставив свободным место для вставки имени нового казия, и в таковом виде, приложив печать, послал ярлык Хаким бию, приказав вписать имя такого-то, а если он не согласится, то такого-то. Таким же порядком назначались даруги, хотя иногда эмир присылал их прямо из Бухары, нередко в высоких чинах, напр. диван-беги.

Службу по распределению воды в арыках и между пользователями несли мирабы. Воды часто не хватало, и между сопользователями происходили ссоры. Жители селения Камыши жаловались эмиру на утеснения со стороны шириков (сотоварищей) по пользованию оросительной водой. Эмир приказал Хаким бию распределять воду на основании установленных прав, а при пропуске воды в нижние селения лично выезжать на водораздельную плотину, так как это было дело ответственное, при чем в арыки Майманак и Камыши приказано было пропускать по равному количеству воды. Но иногда эмир приказывал экстренно пропустить всю воду в нижние селения для орошения полей или же для наполнения хаузов, в особенности в селениях по дороге из Каршей в Бухару. Раз приказал пропустить экстренно воду на десять дней в нижние селения. В вакф своей мадрасы эмир Хайдар завещал обширные земли в районе нижних селений и после того издал приказ, чтобы привлечь посевщиков на эти земли, чтобы население выше местности Хиляля не смело засеивать земель больше для них определенного количества, а ниже Хиляля площадь посева расширить, объявив на базарах через крикунов, что разрешается засеивать возможно больше земель в нижних селениях и что воды придет много. Некоторые из нижних селений стали засеивать кунджут, и так как культура эта требует больше воды, то эмир приказал увеличить им количество воды, рассчитывая ее по потребности кунджута. Большое селение Чандыр и среднее Кадыр абад получали только одну мельницу воды, что эмиром признано было недостаточным и приказано отпускать им две мельницы. О своих соб-

¹ Блюстители благочестия.

ственных селениях эмир напоминает Хаким бию, что нужно об них осведомляться и по-прежнему воду в пределах права постоянно пропускать. В Суфияне эмир отвел землю группе чала-мангытов и приказал отпустить им для орошения воду. Вообще эмир по своему усмотрению изменял права жителей на воду, хотя особым приказом его распоряжение водным делом в вилаете поручено было Нияз бек бию и Хаким бию. По арыкам расположены были мельницы, частью казенные. Эмир доход с некоторых из них отдавал в подарок или в виде пенсии разным лицам. Какова была доходность мельницы видно из случая, когда эмир подарил двум мирахурам мельницу и пять ашрафи ежемесячной пенсии, при чем указал, чтобы они пользовались один мельницей, другой деньгами, или же оба пополам мельницей и деньгами. В другом случае мельница была продана за десять ашрафи.

Обширные земельные площади в Каршинском вилаете, в особенности в районе „нижних селений“ и округа селения Касана, составляли вакуфную собственность самаркандских мадрас Шир-дора, Тилля-кари, Шейбани хана и усыпальниц Шахи-Зинда, некоторых бухарских и каршинских мадрас, в том числе и мадрасы в Каршах самого эмира Хайдара, в вакф которой он завещал ряд селений. Перечень вакуфных селений и местностей, а также и других, упоминаемых в приказах и письмах эмира Хайдара, я позволю себе отложить опубликованием, так как он войдет в статью: „Материалы к исторической географии Каршинского вилаета“. Для сбора вакуфных доходов приезжали с приказами эмира муттавалии. Хаким бию предписывалось следить за правильным поступлением этих доходов, а также за правильным употреблением их учреждениями, находящимися в вилаете, за тем, чтобы студенты, получающие вакуфную долю или стипендии успевали в науках; о вакантных местах мударрисов и слабых мударрисах доносить эмиру для назначения новых мударрисов. Обычно с муттавалиями для сбора посылались даруги, чтобы обнаруживать скрываемый населением урожай и отделять им десятую или указанную в вакуфном документе долю урожая. Однако студенты не всегда получали средства из вакуфов. Однажды эмир писал Хаким бию: „чтецам корана и студентам нашей высокой мадрасы я каждый месяц выплачивал жалованье из зякета. Я и вам приказывал уже кое-какие деньги выдавать им из зякетных средств. Однако, назначенных мною денег оказалось мало, им досталось немного и даже в последние один-два месяца им ничего не досталось. Однако, я имел обычай—когда истощались зякетные средства, я занимал деньги в долг у больших баев сообразно их состоянию и выдавал жалованье чтецам корана и студентам. При сборе зякета долг покрывался следуемым с них зякетом. Вот и вы теперь берите деньги в долг у больших баев и раздавайте их в жалованье чтецам корана и студентам моей высокой мадрасы. Бог даст, впоследствии покроем этот долг причитающимся с них зякетом“. По одному случаю видно, что мударрис получал ежемесячно по 10 ашрафи жалования. Но подготовленных на должность мударриса людей, видимо, было мало. Хузарский мударрис бросил свою мадрасу и явился в Карши. По этому поводу эмир пишет Хаким бию, чтобы он уговорил мударриса вернуться к своему делу, но тут же сомневается в успехе уговоров, а каршинских студентов, между прочим, называет неблагодарными и бедными. На всякий случай просит поискать мударриса в Каршах, а при неудаче обещает прислать из Бухары.

В. А. Вяткин.

Июль 1923 г.